DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.080
УДК 94(100) “1914/1919” + 341.326(44) +
+ 327.2(470:44)

Ю. М. Галкина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РОССИИ В СОБЫТИЯХ МАРТА-АВГУСТА 1918 г.*

В статье рассматривается взгляд руководителей французской военной миссии (преимущественно генералов Нисселя и Лаверня) на ключевые события российской истории марта-августа 1918 г.: заключение Брестского мира, возможности и перспективы сотрудничества с властью Советов, выступление чехословацкого корпуса, необходимость проведения союзнической интервенции. Автор приходит к выводу, что позицию сотрудников миссии отличало отсутствие единства мнений по вышеописанным ключевым вопросам: часть французского военного представительства (в лице Нисселя) была непримиримо настроена по отношению к большевикам, другая его часть (в лице Лаверня, а также французских социалистов) выражала сочувствие власти Советов. Тем не менее, руководство военной миссии оценивало советскую власть по критерию ее боеспособности и возможности продолжать военные действия против Центральных держав, что и обусловило единодушие миссии в необходимости интервенции. На основе рапортов Нисселя и Лаверня подтверждается точка зрения о том, что члены французской военной миссии были непричастны к организации чехословацкого выступления в мае 1918 г. Данное исследование основано на документах фондов Ж. Клемансо, русской секции Второго бюро и французской военной миссии в России Архива Министерства обороны Франции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: французская военная миссия; Первая мировая война; русско-французские отношения; союзническая интервенция.

Одной из отличительных черт Первой мировой войны стало развертывание военных миссий в странах-союзниках. Цели подобных миссий были разнообразными: от получения разведывательных данных и координации действий союзнических войск до поставок стратегически важных материалов [Pénicaut, p. 41]. Деятельность французской военной миссии в России до сих пор остается малоизученной страницей истории, в то время как ее исследование могло бы существенно обогатить представления о событиях Первой мировой войны, Русской революции и Гражданской войны в России. Создав миссию как орган коалиционного взаимодействия, французы безуспешно пытались использовать этот опыт в российских событиях 1918–1920 гг. В данном контексте целесообразно

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Галкина Ю. М., 2016

рассмотреть деятельность миссии в переломный момент — после заключения Брест-Литовского мира — и проследить отношение французов к событиям весны-лета 1918 г. в России.

Заключенный 3 марта 1918 г. Брестский мир поставил перед Францией проблему краха Восточного фронта, который Жорж Клемансо стремился восстановить любой ценой, чтобы не оставить Германии возможности перебрасывать на Западный фронт освободившиеся силы. Выход России из войны поставил вопрос о статусе французской миссии и французских военнослужащих, а также о военном имуществе Антанты, находящемся на территории России.

Своеобразие данной политической и военной ситуации нашло свое отражение в рапортах генералов Нисселя и Лаверня, последовательно возглавлявших французскую военную миссию в России[1]. Несмотря на то, что сразу после прихода к власти большевиков некоторые представители миссии перестали рассматривать Россию в качестве союзницы [Janin, p. 242], в январе-феврале 1918 г. генерал Ниссель был полон оптимизма, что выразилось в готовности незамедлительно помогать военным усилиям Советского правительства, если оно решится восстановить армию против внешнего врага [SHD/T, 7, № 760]. При этом Ниссель неоднократно подчеркивал, что именно мотив классовой борьбы может послужить основанием для возрождения антигерманского фронта:

> [Большевистские руководители] это, прежде всего интернационалисты, идеалисты и фанатики. Как следствие, заботы о спасении России для них не существует. Учитывается только одно: классовая борьба, торжество мирового пролетариата. Если когда-либо, что кажется весьма невероятным, они смогут возобновить настоящую войну против Германии, то это будет единственно в надежде, что такое возобновление ускорит или подтолкнет движение германских народных масс [Ibid., 6, № 224].

Естественным образом сотрудникам французской военной миссии приходилось решать вопрос, с какими политическими силами имеет смысл взаимодействовать в ситуации «революционного хаоса». Поскольку на повестке дня стоял вопрос дальнейшей борьбы с Германией, французские военные рассматривали политический спектр революционной России именно с точки зрения способности воевать против Центральных держав. В конце марта 1918 г. генерал Лаверн писал:

> Анархисты кажутся прогерманской партией, монархисты являются такими в большинстве, только правые эсеры типа Савинкова видят интересы России в продолжении войны в согласии с союзниками. Это очень сомнительно — добиваться падения правительства большевиков. Чтобы вызвать его падение, достаточно немногого – и тогда есть большой шанс, что его наследие достанется прогерманской партии. Если большевистское правительство хочет создать армию, то можно ли из этого вывести, что оно решило воевать? [Ibid., 7, № 761].

---

[1] Ген. Ниссель являлся главой французской военной миссии с августа 1917 г. по май 1918 г., ген. Лаверн — с мая 1918 г. по октябрь 1918 г.

Немногие французы симпатизировали большевикам, однако в условиях германской угрозы и отсутствия серьезного сопротивления новым властям большевики казались им меньшим злом. Залог боеспособности большевиков глава французской миссии усматривал в их стремлении вернуть утраченные территории [SHD/T, 7, № 761].

Что же касается главного предмета взаимодействия — реорганизации армии, к процессу которой Троцкий привлек генерала Лаверня, — подчеркивается отсутствие армейского законодательства, декрета, устанавливающего, на какой базе должны быть созданы новые вооруженные силы России. Попутно французский генерал скептически оценил замысел Троцкого в скором времени набрать полмиллиона добровольцев [Ibid.]. Можно с уверенностью сказать, что Лаверн хорошо понимал ситуацию экономической и политической катастрофы, в которой находилась Россия, и считал, что Троцкий, несмотря на желание вникать во все вопросы, не способен полностью контролировать ситуацию в стране, где в целом можно констатировать слабое взаимодействие центра и периферии. Сомнения относительно создания добровольческой армии выражались главой миссии и далее, в апреле: «С точки зрения военной, они очень бы хотели восстановить армию. Но большевистская революция совершалась против идеи войны. Как в этих условиях добиться принятия обязательной воинской повинности? Делается ставка на добровольцев, это дает посредственные результаты» [Ibid.]. В этом отразилось противоречие, возникшее между бывшими союзниками: большевики хотели любым способом выйти из войны, французы — вернуть «русскому фронту» антигерманское значение. В условиях «вырождения экономической жизни» и неспособности власти Советов предпринять энергичные меры в области внешней и внутренней политики [Ibid.] единственным средством против немецкого наступления, по мысли Лаверня, могла стать «быстрая и значительная» союзническая интервенция. Он указывал, что «в массах было создано чрезмерное чувство ненависти к правительствам империалистов и капиталистов, какими бы они ни были, чтобы сейчас можно было совершить полный поворот [к союзникам]» [Ibid.], однако интервенция — это единственное средство избежать превращения России в «германскую колонию» [Ibid.].

Отношение к большевизму и к вопросу необходимости проведения интервенции силами Антанты среди первых лиц французской военной миссии не было единым. Генерал Ниссель после заключения Брестского мира сделался непримиримым по отношению к советскому правительству и считал интервенцию единственно верным решением: «...сами по себе отрицающие идею Отечества, имя которого они не желают произносить, измучив население своими насилиями и беспорядком и основывая свою программу на отказе сражаться, они неспособны сплотить защитников против кого бы то ни было, пытающегося принести порядок в Россию» [Ibid., 6, № 224]. Более того, он полагал, что союзная интервенция в Сибири встретит горячую поддержку местного населения, жаждущего восстановить порядок, «а если союзники позаботятся заявить о своем намерении уважать целостность русской территории, то он [русский народ]

будет рассматривать их не как враждебных завоевателей, а как реставраторов порядка» [SHD/T, 6, № 224].

Любопытным в этом контексте является ощущение положения России во франко-германском конфликте: французский журналист Робер Воше в сборнике очерков «Большевистский ад» привел следующие слова посла Франции в России Жозефа Нуланса: «Россия не может спасти сама себя, ей, как и всегда, нужен иностранец. Она должна определиться между Германией и Союзниками...» [Vaucher, p. 87]. В рапортах глав французской миссии также просматривается ощущение России как «второстепенного», неполноценного участника конфликта, не способного на самостоятельную позицию, но склонного примкнуть к какой-либо из «основных сторон». Так, Ниссель пишет:

> Все русские согласны считать, что социальный порядок может быть восстановлен только при внешней поддержке. Если Антанта не предложит такой помощи, Центральные державы предложат ее, как только сочтут момент благоприятным. Так они обеспечат себе признательность, которая даст им в России преобладающее влияние [SHD/T, 6, № 224].

Если генерал Лаверн замечал, что в России не сложилось силы, способной сколько-нибудь серьезно противостоять большевикам, Ниссель пылко рапортовал, что «Сибирь не является и не может быть большевистской, потому как за правило там почитается частная собственность. Единственными большевистскими островками являются Иркутск и Владивосток по причине их рабочего населения» [Ibid.].

Позиция Лаверня по вопросу интервенции и отношения к Советской власти была менее категоричной: он признавал, что у большевиков есть политические и партийные причины не желать интервенции. На протяжении мая-июня 1918 г. генерал Лаверн, ссылаясь на слова В. И. Ленина, характеризовал политику большевиков как «лавирование между двумя равно опасными коалициями». Он справедливо полагал, что «большевистское правительство боится интервенции, которая, во-первых, приведет в Россию войну, избавлением от которой оно гордится, и, главное, заставит выбирать между двумя сторонами, исключив возможность лавирования» [Ibid., 7, № 761]. Лаверн представляется руководителем, склонным действовать с согласия большевиков, описывая ситуацию в России, он всякий раз старается посмотреть на нее глазами советского правительства. Специфика его отношения к российской действительности заключается в том, что, в отличие от многих своих коллег, он, несмотря на недоверие к советской власти, не видел и приемлемых альтернатив, способных противостоять ей. В связи с чем, скорее, был склонен искать с большевиками *modus vivendi*.

Новым направлением в политической и военной деятельности французской миссии стало повышенное внимание к национальному вопросу. В составленной генералом Нисселем «Программе французского влияния» в России бросается в глаза, что военная и политическая пропаганда Франции была обращена,

в первую очередь, к национальным меньшинствам (полякам, украинцам, чехам, сербам и др.) [SHD/T, 6, № 224].

Хорошо организованной и боеспособной силой на территории Советской России оставался чехословацкий армейский корпус, чья судьба была подчинена интересам Третьей республики, в связи с чем предполагалось его участие в боевых действиях на Западном фронте. Перемещение чехословацких частей с территории Украины во Владивосток по Транссибирской магистрали осуществлялось по согласию с большевиками при содействии уполномоченного Французской республики при армейском корпусе чехословацкой армии майора Арсена Верже.

История чехословацкого корпуса и его конфликт с советской властью подробно рассматривался как отечественной, так и зарубежной историографией. Поэтому не будем акцентировать внимание на развитии данного вооруженного противостояния. Однако в связи с чехословацким корпусом представляется важным обратить внимание на ряд деталей, описанных генералом Лавернем в специальном рапорте «Чехословацкий конфликт» [Ibid., 7, № 761].

Лаверн отмечает, что тревожные события, случившиеся 14 мая в Челябинске, связанные со ссорой между мадьярскими пленными и чехословацкими военнослужащими, дошли до Москвы в искаженном виде и совпали с известиями, касающимися подъема контрреволюционного движения на Урале и в Сибири. После беседы с представителями Национального Совета при армейском корпусе генерал Лаверн предпринял попытку помочь чешским представителям, и 17 мая 1918 г.[2] направил в расположение корпуса майора Гине и лейтенанта Паскаля, «с приказом объехать железную дорогу от Омска до Пензы и побывать во всех чешских эшелонах, чтобы дать им ясное впечатление, что мы занимаемся ими и что последние решения [по отправке на Север] были приняты по согласию с нами» [Ibid.].

Любопытным является появление на Урале Альфонса Гине[3]. Между Румынией и Центральными державами начались переговоры, по итогу которых стало невозможным присутствие военных контингентов Антанты на территории Румынии. По приказу генерала Бертело, главы французской миссии в Румынии, майор артиллерии Гине, помощник подполковника Бегу, прикомандированного ко II русской армии в Буковине, 3 апреля 1918 г. вместе с другими офицерами получил назначение в Самару [Ibid., 6, № 220]. Сотрудником французской военной миссии в России Гине, в отличие от Пьера Паскаля, не являлся.

В тот момент, когда Гине и Паскаль выехали в Омск, Троцкий выдвинул новое требование — о подчинении передвижения чехословацкого корпуса предварительной декларации французского и английского военных атташе, обязующихся добиться безотлагательной транспортировки этих войск во Францию

---

[2] Пьер Паскаль приводит другую дату — 15 мая 1918 г. [см.: Паскаль, с. 486].

[3] Альфонс Гине, капитан артиллерии, род. 17.04.1876, поступил на службу 29.03.1895. Получил временное повышение в воинском звании (brevet promotion) во время пребывания в России [см.: Ibid., 7, № 1551].

[SHD/T, 7, № 761]. Новое требование советского правительства весьма осложнило командировку двух французских офицеров, прибывших в Омск 23 мая. Пьер Паскаль описывает это так:

> Встречи с чехами проходили непросто: я был не слишком осведомлен об инструкциях майора Гине. Сам я знал одно: чехи должны быть как можно скорее отправлены в Архангельск. Однако, не переставая жаловаться, что советские власти чинят проволочки (разумеется, в угоду немцам), они явно были более склонны включиться в активную борьбу с этими властями здесь, нежели грузиться на корабли. На наши слова о том, что это не их задача, они возражали ссылками на прямо противоположные указания посла Нуланса. К моменту нашего прибытия их мятеж против советского правительства был уже в разгаре, что, как мне показалось, не было предусмотрено генералом Лавернем [Паскаль, с. 494][4].

Существование подобных указаний от Жозефа Нуланса не кажется удивительным: он являлся креатурой министра иностранных дел Стефана Пишона, пылкого приверженца идеи противостояния большевикам силами национальных меньшинств [Lunet, p. 54–55]. В данном контексте «белым пятном» остается вопрос о предполагаемых посредниках Нуланса, взаимодействовавших с чехословацким корпусом[5] и вдохновивших его на вооруженное сопротивление. Вероятно, разрешить эту проблему помогли бы бумаги французского слависта Поля Буайе, известного своим стремлением направлять в Россию обученных агентов (выпускников Школы восточных языков) с миссиями разведки и организации пропаганды. Услугами Буайе, входившего в Комиссию по отправке французского персонала в Россию[6], созданную Пишоном в 1917 г., пользовался и Жозеф Нуланс [Pondopoulo, p. 358].

27 мая 1918 г. [Серапионова, с. 369] представители Чехословацкого национального совета (ЧНС) ознакомились с приказом Троцкого о разоружении корпуса и его переброске на Север. Таким образом, предполагалось, что чешские и сербские части должны будут располагаться в районе Мурманска – Архангельска на случай военных действий против Германии или союзных ей финских войск. Ранее генерал Лаверн подчеркивал, что деятельность по обороне северных портов могла бы способствовать оказанию «серьезного влияния на восстановление русской армии, каким бы ни был ее цвет: белым, красным, черным» [SHD/T, 7, № 761]. В начале июня конфликт чехословацкого войска с большевиками вылился в открытое военное противостояние, в ходе которого

---

[4] Следует отметить, что данный текст является более поздней вставкой мемуарного характера, и был воспроизведен автором по памяти перед публикацией «Дневника» в 1975 г., что, в частности, отражено в используемой им терминологии. Так, например, автор характеризует выступление чехословацкого корпуса как «мятеж», но в момент возникновения советско-чехословацкого конфликта в 1918 г. в практике французской военной миссии этот термин не употреблялся.

[5] Некоторые исследователи полагают, что 1 мая 1918 г. Ж. Нуланс встречался с представителями антибольшевистских сил, которые уверяли его в том, что чехословацкий корпус поддержит решение выступить против власти Советов [см.: Swain, p. 167–168].

[6] Примечательно, что в Комиссию входили также Э. Бенеш и М. Штефаник [см.: Pondopoulo, p. 357].

представители французской военной миссии потеряли возможность контролировать действия корпуса: 1 июня 1918 г. Лаверн направляет майора Юрстеля «с заданием оказать чехам поддержку нашим авторитетом и советами. В согласии с г-ном Послом, инструкции, даваемые французским офицерам, были следующими:

1. Мы рассматриваем чехов как союзную армию, которая имеет право, поскольку война в России закончилась, покинуть ее территорию со своим оружием.

2. Французские офицеры должны собирать сведения, поддерживать чехов, защищать их права, благоприятствовать заключению перемирия и не принимать решения на будущее» [SHD/T, 7, № 761].

Ситуация уже не благоприятствовала французам: «Капитан Борд, который был остановлен в Сызрани первыми большевистскими эшелонами, при отправке чехов безуспешно пытался вступить в контакт с последними, комендантом и советскими войсками были созданы всякого рода препятствия. Майор Юрстель, прибывший в Сызрань в ночь с 3 на 4 июня, столкнется с теми же самыми трудностями» [Ibid.]. В результате, 7 июня майор Юрстель был отправлен в Москву, не получив возможности выполнить свою задачу [Ibid.]. В этот же день в Екатеринбурге был арестован лейтенант Паскаль — сотрудники французской военной миссии оказались под угрозой. Таким образом, все миротворческие усилия членов французской военной миссии были сведены на нет.

Майор Гине, расставшись с Пьером Паскалем 5 июня [Паскаль, с. 495], очевидно, оставался в Челябинске, по меньшей мере, до 22 июня, когда получил шифрованную телеграмму от посла Нуланса о необходимости поблагодарить от имени союзников чехословацкий корпус за их выступление [Unterberger, p. 211].

Оказавшись поставленным перед фактом выступления корпуса, французское руководство попыталось вернуть контроль над ситуацией, найдя выход в формировании так называемой «второй миссии генерала Жанена»[7], назначенного командующим чехословацкими войсками в России в июле 1918 г. [SHD/T, 17, № 594, с. 2, d. 3]. Более того, когда Жанену 28 августа 1918 г. было предписано покинуть Францию [Ibid.], для того чтобы направиться в расположение подчиненных ему войск в рамках военной миссии в Сибири, обстановка на западном фронте окончательно изменилась в пользу Антанты. Таким образом, актуальность вопроса восстановления фронта на востоке значительно снизилась, и перед «второй миссией Жанена» встали совсем другие задачи.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что до эскалации конфликта с чехословацким корпусом руководство французской военной миссии оценивало советскую власть по критерию ее боеспособности и возможности продолжать военные действия совместно с союзниками, а также вести активные преобразования в политической и экономической сферах. Ее идеологическая сущность не являлась фактором, формирующим отношение к ней.

---

[7] Данное понятие впервые введено Арсеном Верже [Verge].

Особенно острым является вопрос, связанный со степенью влияния французских офицеров и их предполагаемым участием в выступлении чехословацкого корпуса. Французские источники, как документальные, так и источники личного происхождения, демонстрируют единодушие французских военных в оценке выступления чехословацкого корпуса. Как это видел генерал Лаверн*ь:* «Большевики очень хотели бы успокоить бурю, которую сами развязали» [SHD/T, 7, № 761]. Его рапорт о чехословацком конфликте полон миротворческих инициатив и не оставляет впечатления о французских военных как об организаторах выступления: генерал сообщает, что он заверял чехов в добром расположении к ним держав Антанты и в поддержке их желания поскорее отправиться на Западный фронт; майор Верже писал:

> Я всегда считал обреченной на неудачу всякую (не поддержанную союзниками) попытку выступлении против воли Советов, которые располагают всеми возможностями, чтобы перерезать снабжение, железные дороги, и которые, если это им необходимо, могут добиться выступления тысяч военнопленных и запросить помощи у Центральных держав [Ibid., 17, № 622, c. 30, d. 3, doc. 27].

Таким образом, с точки зрения французской военной миссии, чехословацкий конфликт вменяется в вину большевикам, сделавшим все, чтобы усилить и без того напряженную обстановку в корпусе. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что подчиненные Военного министерства Франции были заинтересованы в скорейшей переброске чехов на Западный фронт и, как следствие, не были склонны усложнять эту процедуру. Представляется вероятным, что противником военных, желавшим «задержать» корпус в России, было Министерство иностранных дел Франции. С начала 1918 г. на линию поведения французской военной миссии и французского дипломатического корпуса оказывает влияние так называемый «министерский кризис», сущность которого заключалась в противостоянии двух ведомств: Военного министерства и Министерства иностранных дел. Если первое выступало за поиск компромисса в отношениях с большевиками, Министерство иностранных дел было против любого сближения с советским правительством [Carley, p. 417]. Подобная ситуация нашла отражение и в источниках. Рене Маршан, журналист, аккредитованный при французской миссии, отмечал, что по вопросу фронта против Германии существовало две точки зрения: интервенция при поддержке большевиков и интервенция против воли большевиков, допускающая свержение их правительства. Первая точка зрения поддерживалась капитаном Садулем, являвшимся своеобразным «политическим медиатором» между левым спектром французской политической элиты и большевиками, вторая — послом Жозефом Нулансом [Marchand, p. 30–32].

Таким образом, документы Архива Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense), свидетельствуют о том, что члены французской военной миссии в России не имели прямого отношения к чехословацкому выступлению, а также о том, что представители Французской республики, работавшие

на территории России, не были едины в своей неприязни к большевикам или желании свергнуть их власть. Поле идей французского представительства отражало ситуацию хаоса в революционной России — это была «совокупность разных политик» в рамках миссии, растянутой от Москвы до Петрозаводска [SHD/T, 7, № 760]. Кроме того, вышеописанное многообразие совпало с политическим противостоянием внутри самой Франции.

Источники

SHD/T. 6. № 220, 224; 7. № 760, 761, 1551; 17. № 594, 622.

Исследования

Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург : Гонзо, 2014.

Серапионова Е. П. Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / ред. А. Л. Шемякин М. : Индрик, 2009. С. 356–374.

Carley M. J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal // The Journal of Modern history. 1976. № 3. P. 413–439.

Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015.

Lunet P. L'intervention française en Russie méridionale en 1918–1919 // Revue historique des armées. 1992. № 1. P. 54–55.

Marchand R. Pourquoi je me suis ralliè à la formule de la revolution sociale. Petrograd : International communiste, 1919.

Pénicaut E. Missions militaires françaises auprès de puissance alliées // Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale / ed. A. Prost. Paris : Service historique de la Défense, 2014. P. 41–43.

Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917) / eds. A. Le Goff, A. Charon. Paris : École national des chartes, 2011. P. 341–360.

Swain G. The Origins of the Russian Civil War. New York : Routlege, 2013.

Unterberger B. M. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Texas : Texas A & M Univ. Press, 2014.

Vaucher R. L'enfer bolshevik. Paris : Perrin et Companie, 1919.

Verge A. Avec les Tchécoslovaques. Paris : Editions René Guillon, 1926.

Статья поступила в редакцию 17.05.2016 г.

Галкина Юлия Михайловна
младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии УрФУ
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: galkinskaya@gmail.com

Galkina, Yulia Mikhailovna
Junior Researcher
Laboratory for the Primary Sources Studies
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: galkinskaya@gmail.com

THE VIEWPOINT OF THE FRENCH MILITARY MISSION IN RUSSIA OF THE SITUATION IN MAY-AUGUST 1918

The article is devoted to the viewpoints of the leaders of the French military mission (especially generals Niessel and Lavergne) on the key events of Russian history during March-August 1918, such as the conclusion of the Brest-Litovsk treaty, the possibility of cooperation with Soviet Russia, the revolt of the Czechoslovak Legion, and the necessity for an Allied intervention. The author comes to the conclusion that the officers' perception of key issues differed considerably: one part of the French military mission (represented by Nissel) felt hostility to the Bolsheviks, and the other part (represented by Lavergne) sympathised with Soviet power. Nevertheless, the leaders of the French military mission judged the Soviet regime by its military capacity and the ability to sustain military activity against the Central Powers. Referring to the reports of Generals Nissel and Lavergne, the author confirms the opinion that the members of the French military mission were not involved in the organisation of the Czechoslovak revolt in May 1918. This paper is based on documents from G. Clemenceau's collection, as well as from the Russian section of the General Staff's Second Bureau and of the French Military Mission in Russia, and the French Ministry of Defense Archive.

K e y w o r d s: French military mission; First World War; Russian-French relations; Allied intervention.

Acknowledgements

The article is supported by a grant of the Russian Federation Government aiming to attract leading scholars and scientists to Russian higher educational establishments and educational establishments of the state academies of sciences, as well as academic centres of the Russian Federation (Laboratory of Primary Sources Studies, Ural Federal University). Agreement #14.A12.31.0004 as of 26 June, 2013.

Carley, M. J. (1976). The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal. *The Journal of Modern history, 3*, 413–439.

Janin, M. (2015). *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917)* [On a Mission in Russia during the War (1916–1917)]. Paris: L'Harmattan. (In French)

Lunet, P. (1992). L'intervention française en Russie méridionale en 1918–1919 [French Intervention in South Russia in 1918–1919]. *Revue historique des armées, 1*, 54–55. (In French)

Marchand, R. (1919). *Pourquoi je me suis rallié à la formule de la revolution sociale* [Why I Agreed with the Formula of Social Revolution]. Petrograd: International communiste. (In French)

Pascal, P. (2014). *Russkii dnevnik 1916–1918* [Russian Diary 1916–1918]. Yekaterinburg: Gonzo. (In Russian)

Pénicaut, E. (2014). *Missions militaires françaises auprès de puissance alliées* [French Military Missions with the Allied Forces]. In A. Prost (Ed.), *Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale* [Archives of the Great War. Guide to the Sources of the First World War Kept by the Historical Service of the French Ministry of Defense] (pp. 41–43). Paris: Service historique de la Défense. (In French)

Pondopoulo, A. (2011). *Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910* [Paul Boyer, His Links with Russia and the Goals and Objectives of the Reform of the School of Oriental Languages in the 1910s]. In A. Le Goff, & A. Charon (Eds.), *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917)* [France and French People in Russia. New Sources and Approaches (1815–1917)] (pp. 341–360). Paris: École national des chartes. (In French)

Serapionova, E. P. (2009). *Chelovek-legenda Milan Rastislav Shtefanik: uchenyi, politik, general* [Legendary Man Milan Rastislav Štefánik: A Scientist, a Politician, a General]. In A. L. Shemyakin (Ed.), *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i ideia natsional'nogo gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Before and after Versailles. Political Leaders and the Idea of National State in Central and Southeast Europe] (pp. 356–374). Moscow: Indrik. (In Russian)

Swain, G. (2013). *The Origins of the Russian Civil War*. New York: Routlege.

Unterberger, B. M. (2014). *The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia*. Texas: Texas A & M University Press.

Vaucher, R. (1919). *L'enfer bolshevik* [Bolshevik Hell]. Paris: Perrin et Companie. (In French)

Verge, A. (1926). *Avec les Tchécoslovaques* [With the Czechoslovaks]. Paris: Editions René Guillon. (In French)

Received on 17 May, 2016